

К вопросу о возможности достижения в Узбекистане исторического компромисса ради устойчивого развития

Алишер Ильхамов

2 августа 2022 г.

Оглавление

Руководящие принципы.....	2
Реализм	3
Амбициозность.....	5
Компромисс между факторами реальности и амбициозности	7
Оценка текущего состояния.....	10

Давно размышлял над необходимостью разработки перспективной модели государственности и развития Узбекистана, страны, в которой я родился, вырос и сформировался как гражданин и личность. Думаю также, что выводы, к которым я пришел и которые изложу ниже, в определенной степени релевантны и для соседних стран пост-советской Центральной Азии, учитывая их общее советское наследие и схожесть режимов правления.

Спрашивается, а для чего нужна такая концептуальная модель развития? Прежде всего, она нужна для разработки стратегии развития страны, без чего невозможно никакое планирование. Хороший план действий всегда основывается на хорошей стратегии, а последняя – на концептуальной модели развития, наиболее подходящей для данной страны.

Пока я не видел примеров разработки кем-либо из местных экспертов такой модели развития, хотя под рукой у правительства для этого имеется целый ряд

академических и исследовательских институтов и аналитических-центров. Возможно некоторые из них разрабатывают нечто подобное под грифом «для служебного пользования», но не для печати и широкого обсуждения в обществе. Если такие разработки имеются, то было бы очень полезно обнародовать их, чтобы стимулировать общественную мысль и оптимизацию стратегии развития страны. Речь однако тут идет не о декларативных документах в духе «Новый Узбекистан», «Третий Ренессанс», или «страна с великом будущим», а о пригодной для практического применения доктрине.

Для того, чтобы такая стратегия была практически пригодна, она должна быть основана на анализе реальной ситуации, текущих трендов и вызовов. Речь идет об аналитическом документе, который бы честно и объективно оценил текущее положение вещей в стране, ее реальные возможности и факторы, без учета которых всякая модель развития повисает в воздухе, мало стыкуясь с реальностью, но который при этом не замыкался бы на текущей реальности, а ставил перед страной амбиционные, но осуществимые задачи.

Предложенная ниже модель является только моей первой прикидкой и, в качестве таковой, по определению, возможно нуждается в дальнейшей доработке, с учетом обратной связи от экспертного сообщества.

Руководящие принципы

Прежде всего коснемся принципов и императивов, которые необходимо учесть при разработке модели развития. На мой взгляд, эта модель должна сочетать в себе **реалистичность** и, в то же время, **амбициозность**.

Реалистичность означает, что, как я уже отметил выше, цели развития должны в максимально возможном объеме учитывать реалии, прежде всего текущее состояние общества и общественных институций, а также имеющиеся барьеры на пути развития страны, так и реальные шансы, которыми обладает страна.

Амбициозность означает необходимость ставить цели с учетом имеющегося успешного или неудачного опыта других стран и соответствующих мировых тенденций, то есть ставить эти цели в определенной степени выше той планки, которая позволялась бы имеющимся состоянием общества и положением дел. Без такой амбициозной постановки целей невозможно развитие, поскольку последнее означает периодический переход на качественно новые ступени и рубежи в эволюции государства и общества, а значит, преодоление статус-кво.

Реализм

Повторим еще раз, реализм диктует учет текущего состояния общества и общественных институций.

Прежде всего, примем во внимание тот факт, что по ряду параметров страна принадлежит к категории стран «третьего» мира. Что имеется в виду? Несмотря на определенный социальный прогресс, который был достигнут в советский период, особенно в сфере образования и ликвидации неграмотности, по другим критериям страну трудно отнести к развитым обществам.

Во-первых, производительность труда, выражающаяся в показателе ВВП на душу населения остается на очень низком уровне. По этому показателю страна серьезно отстает даже от ряда стран «третьего» мира. Отставание связано с отсталостью в области производственных технологий, государственного и корпоративного управления, неэффективной экономической политики, некомпетентности и коррупцией государственных органов.

Во-вторых, качество образования в стране остается на очень низком уровне, причем как в сфере школьного, так и в сфере специального и высшего образования. Достижения в этой сфере скорее единичны. Более того, в силу экономической отсталости страны, многие выпускники вузов вынуждены зарабатывать себе на жизнь, работая не по своей специальности. Пример масштабной трудовой миграции в Российскую Федерацию и другие страны показателен: подавляющая часть выезжающих на заработки в другие страны заняты там малоквалифицированным трудом, несмотря на то, что часть из них имеет высшее или среднее специальное образование.

Отсталая структура профессиональной занятости, в свою очередь, способствует консервации патриархальной структуры семейного уклада. Об этом, то есть, о том, как трудовая миграция, с одной стороны, позволяет узбекским семьям сводить концы с концами, а с другой, способствует сохранению патриархальной организации семейного уклада, я писал в своей статье, опубликованной в 2013 г.¹

В свою очередь, патриархальный характер семьи способствует сохранению социально-консервативного мировоззрения значительной части узбекского населения, что в определенной мере объясняет значительную степень ее

¹ Alisher Ilkhamov. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family, *Zeitschrift für Ethnologie*, 138 (2013), 259-284.

религиозности и склонности поддаваться влиянию религиозных деятелей, отличающихся ультра-консервативными и даже экстремистскими взглядами.

В стране, конечно, имеется свой средний, достаточно образованный класс. Это часть населения, которая имеет хорошее высшее образование, работает по своей специальности и имеет достаточную степень обеспеченности, выше того уровня, когда семьи просто сводят концы с концами, и достаточно высокий, чтобы хотя бы иногда позволять себе путешествовать в другие страны, как с туристической целью, так и по профессиональной линии. В плане ценностных ориентаций представители этого класса, особенно если они заняты в сфере западных иностранных инвестиций и знакомы с соответствующими технологиями и корпоративной культурой, а также включены в профессионально-социальные сети, охватывающие помимо их самих также их западных партнеров, гораздо меньше подвержены влияниям социального консерватизма и больше - влиянию либеральной системы ценностей. Проблема однако в том, что в Узбекистане прослойка этого класса крайне малочисленна и присутствует, главным образом, в столице и в самых крупных городах, а также работает в западных компаниях после окончания вузов за рубежом. В провинциях же, особенно в сельской местности и в малых городах, в силу отсталости их социально-профессиональной структуры и характера занятости присутствие и влияние этой группы населения незначительно.

В силу указанных причин трудно ожидать, что в ближайшей перспективе в обществе получат широкое распространение ценности либерального толка, что неизбежно сказывается на политической культуре и, соответственно, на правящей элите и способах ее взаимодействия с населением. Этот факт в определенной степени объясняет феномен авторитарного правления, который в социальном плане подкрепляется патриархальным укладом семьи и соответствующими социально-консервативными ориентациями значительной части общества. Кстати, этим социально-консервативным настроениям подвержена также и определенная часть узбекского диссидентского сообщества в изгнании, проживающая за пределами страны, включая в странах Запада. Получается, что кроме узкой прослойки среднего, профессионального класса в Узбекистане имеется недостаток социальных слоев, которые могли бы стать движущей силой эволюции в сторону усвоения ценностей и норм, присущих либеральной демократии.

Означает ли сказанное, что в Узбекистане формирование демократического устройства не имеет перспектив? Отнюдь нет. Но следует видимо понимать, что процесс этого формирования может занять достаточно длительное время и быть связанным с перспективами роста среднего, профессионального класса. Кроме того, перспективы формирования либеральной демократии зависят также и от

фактора указанной выше амбициозности в постановке задач развития. Я поясню ниже, что имеется в виду под этим фактором.

Но прежде всего отметим ряд примеров того, как страны «третьего» мира, тоже являясь малоразвитыми с социально-экономической точки зрения, все же занимают гораздо более высокую позицию по индексу либеральной демократии. Возьмем для сравнения две страны развивающегося мира, одну с большинством, а другую – со значительной долей мусульманского населения, Индонезию и Индию соответственно. Обе эти страны намного опережают Узбекистан по индексу либеральной демократии, 0.43 и 0.36 против 0.09 у Узбекистана.² Однако обе они уступают Узбекистану по индексу образования 0.65 и 0.555 против 0.729 соответственно.³ Правда по уровню экономического развития, представленном показателем ВВП на душу населения, Индонезия более чем вдвое опережает Узбекистан - \$4,691 против \$2,071. У Индии значения этого показателя чуть выше, чем у Узбекистане - \$2,543.⁴

Возможно здесь играет роль также историческое наследие, которое «давит» на настоящее. В Узбекистане, как и в большинстве постсоветских республик сохранилась социально-политическая культура, утвердившаяся в условиях тоталитарного прошлого. И эта культура проявляется в слабости гражданского общества, в готовности значительной части населения склоняться и преклоняться перед авторитарными лидерами. Эти взаимоотношения в определенной степени воспроизводят отношения внутри патриархальной семьи, где отец обладает властью принятия решения в большей степени, чем остальные члены семьи. Даже значительная часть среднего класса подвержена влиянию этой авторитарно-патриархальной по своему характеру политической культуры.

Амбициозность

Под амбициозностью я понимаю решения и постановку задач развития, которые пока еще не совсем подкреплены имеющимися ценностными ориентациями в обществе и соответствующей политической культурой, но без которых развитие страны остается под вопросом. Скажем, значительная доля населения приветствовала бы демократические выборы на основе реальной политической конкуренции и права реальной политической оппозиции участвовать в этих выборах. Однако гораздо меньшая доля при этом полностью приняла бы ценности

² Liberal Democracy, 2021 (V-Dem Index), <https://ourworldindata.org/grapher/liberal-democracy>

³ Данные за 2019 г., https://en.wikipedia.org/wiki/Education_Index

⁴ Данные ВМФ за 2022 г., [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)_per_capita](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)_per_capita)

индивидуальных свобод и прав человека, включая права меньшинств. Однако именно эти свободы и права являются краеугольным камнем системы либеральной демократии. Наблюдения показывают, что не только значительная часть общества не готова уважать права меньшинств. Более того, следуя социально-консервативным ориентациям, значительная часть общества склонна к довольно жесткому регулированию частной жизни граждан, например, в соответствии с канонами шариата и фикха, этой мусульманской системы права, которая когда-то, в средние века была прогрессивной, но в современных условиях является уже анахронизмом. Это сочетание демократических ориентаций в политической сфере с консерватизмом в социальной, а также в частной и семейной сферах, и создает феномен не- или даже анти-либеральной демократии (в английском варианте – illiberal) во многих странах, отличающихся социально-экономической и интеллектуальной отсталостью.

Однако следует отдавать себе отчет в том, что наиболее успешными в своем развитии были и остаются страны, однажды принявшие ценности либеральной демократии и до сих пор придерживающиеся их в той или иной степени. На эту обусловленность формирования современных высокоразвитых государств социальной культурой либерального толка обратил в свое время Макс Вебер, который в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» указал на роль социо-культурных факторов в формировании капиталистического общества, в частности, он указал на роль индивидуальной трудовой этики, поощряемой пуританизмом, которая формировалась в условиях, когда исчезало внешнее принуждение к труду, когда обязанность трудиться из внешнего регулятора становилась внутренним долгом, этической нормой, поощряемой протестантской религией. Deirdre N McCloskey и Art Carden в своей работе «Leave Me Alone and I'll Make You Rich: How the Bourgeois Deal Enriched the World», опубликованной в этом, 2022-м году, с связывают достигнутый уровень экономического развития стран мира, считающихся сегодня развитыми, с утверждением в них ценностей и норм либерализма и свободы..

Эти достижения стран, вставших на путь либеральной демократии, и побуждают к постановке амбициозной задачи – как привить социально-консервативному обществу Узбекистана аналогичные ценности как незаменимое условие успешного социально-экономического развития, не копируя, но беря на вооружение самое ценное из опыта других стран. Но возможно ли усвоение либеральных ценностей широкими слоями нашего общества?

Конечно, насаждение обществу сверху ценностей любого толка непродуктивно и просто невозможно. По большому счету, их усвоение должно стать и, как правило,

фактически является результатом естественного процесса. Этот процесс просто неизбежен, но может быть пройден как в более долгие, так и в более короткие сроки. Он во многом связан с ростом среднего образованного класса, который в силу ряда причин более восприимчив к либеральным ценностям, по сравнению с другими слоями населения.

Если политическое руководство действительно заинтересовано в социально-экономическом развитии страны, то оно должно перестать видеть в либеральных ценностях угрозу и, наоборот, создавать дополнительные условия для их освоения. А это предполагает привлечение иностранных инвестиций из стран либеральной демократии, развитие системы образования и приведение его к международным стандартам, свободное развитие сфер науки и культуры, следование международному праву в области прав человека.

Компромисс между факторами реальности и амбициозности

Становится вполне очевидно, что для устойчивого развития страны необходим компромисс между фактором реальности и необходимостью ставить амбициозные задачи.

В плане стейкхолдеров речь идет о компромиссе между правящей элитой, основной (mainstream) частью общества, средним и предпринимательским классами, особенно с той частью всех четырех указанных групп, которая настроена на демократические преобразования в стране. Целью этого компромисса является, с одной стороны, согласие с необходимостью считаться с реальным состоянием общества, с его авторитарными и социально-консервативными ориентациями и имеющимся историческим наследием тоталитарного прошлого, а с другой, понимание того, что не выходя за рамки замкнутого круга этой косной реальности невозможно рассчитывать на поступательное развитие страны.

Но надо отдавать себе отчет, что компромиссы допустимы в одних сферах и недопустимы в других.

Отметим, где компромисс не допустим:

1. Это гражданские свободы и права, такие как свобода слова, собраний и ассоциаций, а также права этнических и религиозных меньшинств. Можно до поры до времени смириться с тем, что страной правит авторитарный лидер, но только если он является в достаточной степени просвещенным правителем и не правит страной «железной рукой», посредством массовых репрессий, как это было при Исламе Каримове.

2. Это, конечно, экономические свободы, и в данном случае позитивным примером для многих в нашей стране является Ли Куянь Ю, бывший авторитарный правитель Сингапура, при котором страна пережила «экономическое чудо» во многом благодаря либеральной экономической политике. Но не все знают, что и по индексу либеральной демократии, равным 0.33, Сингапур значительно опережает⁵ все центрально-азиатские страны.

3. Это принцип верховенства закона, без соблюдения которого невозможно выполнение двух вышеприведенных условий. Без него будет процветать коррупция и произвол властей, которые пустят под откос всякие перспективы привлечения иностранных инвестиций и, в целом, развития страны. А верховенство закона диктует принцип равенства всех перед законом, включая членов правящей элиты, чего, в свою очередь, невозможно достичь без независимости правосудия.

История показывает, что в странах, достигших на сегодняшний день наибольшего успеха, верховенство закона установилось задолго до демократических преобразований. Для позитивного примера приведем то, какую роль в развитии Великобритании сыграла Магна Карта, своего рода прототип конституции, которая была принята в 1215 г., когда еще страной правила абсолютная монархия. Магна Карта заложила основу системы верховенства закона в этой стране. Аналогичным образом, в Германии 19-го века, задолго до установления демократии в этой стране, тоже сложилась достаточно независимая система правосудия, которая стала краеугольным камнем системы верховенства закона.

То есть, установление системы верховенства закона в принципе возможно даже при авторитарной системе правления, что доказывает практика прошлых столетий. В условиях современного Узбекистана, как известно, пустила корни автократическая система власти. И такие автократии не терпят какой-либо своей подотчетности обществу и закону. Поэтому задачу установления верховенства закона будет очень трудно решать без политической воли руководства страны. Расчет и надежды все-таки на то, что это руководство, наконец, решится на изменения статус-кво в этом вопросе. Иначе достижение общественного договора будет невозможно.

Все указанные выше три фактора развития, по которым компромисс не возможен (экономические и гражданские свободы и права, а также верховенство закона) являются взаимобуславливающими и не работают в отрыве друг от друга. Гражданские свободы невозможно гарантировать без независимого правосудия, и

⁵ *Liberal Democracy*, 2021 (V-Dem Index), <https://ourworldindata.org/grapher/liberal-democracy>

наоборот. Экономический либерализм же создает благоприятные условия для того и другого и сам, в свою очередь, гарантируется этими двумя факторами.

Теперь остановимся на том, где компромисс все-таки возможен.

В политической сфере он состоял бы в допущении авторитарного правления нынешнего президента на дополнительный, однако не пожизненный срок. Пусть этот дополнительный срок будет даже равным семи лет, но при следующих обязательных условиях:

а) далее указанных семи лет глава государства не должен стараться продлевать свои президентские полномочия. В сумме с текущими двумя сроками, это составило бы 17 лет общего срока правления Мирзиеева. Дальнейшее пребывание его у власти резко увеличивало бы ее кризис, рост массового недовольства и высокую вероятность его жестокого подавления правящим режимом, в духе Андижана 2005-го или Алматы января 2022 года. Это подрывало бы стабильность в стране и перспективы ее устойчивого развития, ради которых и предлагается данный компромисс. Более того, после кризиса власти, который будет очень вероятен при попытке установить в стране пожизненное правление Мирзиеева, резко возрастет вероятность его поворота в сторону реставрации худших форм авторитаризма, сценарий, который мы наблюдаем в Российской Федерации.

б) должна быть обеспечена система сдержек и противовесов, которая бы снизила весьма вероятные риски злоупотребления властью президентом и всей правящей элитой. Те указанные выше три пункта, по которым компромисс не допустим, и служили бы этой, пусть и не полной, но все же достаточной на данный момент системой сдержек и противовесов.

Надо отметить, что такой компромисс пока еще не достигнут, прежде всего потому, что система правосудия в Узбекистане все еще не является независимой и де-факто подконтрольна исполнительной и президентской власти, а также граждане не обладают в достаточной степени свободой слова, собрания и ассоциации. Более того, в июле этого года мир стал свидетелем жестокого подавления в основном мирных протестов в Каракалпакстане, в результате чего по официальным данным погиб 21, а по другим данным – 77 человек, и сотни граждан автономной республики получили ранения. Эти протесты перекликаются с трагедией Андижана мая 2005 года, когда правительственные войска расстреляли тоже в основном мирную демонстрацию граждан, в результате чего погибло как минимум пять сотен человек. Жестокие меры по наведению порядка в Каракалпакстане однако не привели пока к реставрации репрессивной модели правления времен Ислама

Каримова, что оставляет еще надежду на то, что компромисс, предложенный выше, еще достигим.

Если говорить о социальной и частной сферах жизни граждан, то весьма сложным и общественно чувствительным является вопрос о правах сексуальных меньшинств. Тут надо учитывать, с одной стороны, тот факт, что большинство населения остается под сильным влиянием социально-консервативных норм. А с другой, если страна хочет постепенно приобщаться к миру либеральной демократии, то необходимо менять статус-кво и в этом вопросе. Компромисс здесь тоже необходим, и он заключался бы со стороны власти в декриминализации гомосексуальных отношений. Власти и общество должны уразуметь, что никому не дано право вмешиваться в частную жизнь человека, включая в его сексуальные отношения, если эти отношения не осуществляются принудительно. Компромиссом же со стороны либерально настроенной части общества было бы положение, не позволяющее этим сексуальным отношениям выходить за рамки частной сферы на публику, например, в виде гей-парадов и соответствующей рассчитанной на публику символики, не говоря уже о легализации однополых браков. Сохранение определенного табу в этом вопросе и был бы тем самым компромиссом с социально-консервативно настроенным большинством, находящимся пока в явном большинстве в Узбекистане.

Оценка текущего состояния

Как же текущий правящий режим отвечает указанным выше требованиям и условиям предложенного компромисса? Пройдемся по всему списку этих требований и условий и оценим соответствие им действительного положения вещей по десяти-балльной шкале, где 10 означает максимальное соответствие, а 1 – минимальное.

1. Авторитарно правление, ограниченное одним следующим семилетним сроком – 3 балла. Я ставлю эту низкую оценку, поскольку не уверен, что нынешний президент согласится сложить с себя полномочия даже по истечении этого дополнительного срока. Если не согласится, то исторический компромисс не будет достигнут, и страна окажется обречённой на регресс в духе путинского режима.

2. Создание условий, предотвращающих злоупотребление власти правящей элитой, что предполагает достижение независимости правосудия и полного набора анти-коррупционных механизмов – 3 балла. Опять-таки, низкая оценка обусловлена высокой вероятностью того, что у президента не хватит политической воли и решимости пойти на разделение исполнительной и судебной властей и допустить

свою собственную подотчетность закону. Есть серьезные опасения, что он все-таки предпочтет оставаться выше закона, из страха потерять контроль над властью.

3. Гражданские права и свободы, прежде всего свобода слова, собраний и ассоциации, а также права этнических меньшинств – 4 баллов, Отмечу определенный прогресс в определенной части этих прав и свобод после прихода к власти нынешнего президента. Однако в стране остаются значительные ограничения в плане свободы ассоциации, а в ходе и после жестокого подавления протестов граждан ситуация с соблюдением этнических меньшинств резко ухудшилась.

4. Права женщин и сексуальных меньшинств. Я бы оценил состояние дел в этой сфере в 4 балла, учитывая, с одной стороны, сохранение в Уголовном кодексе статей о наказании за мужеложество, а с другой, некоторый, пусть и небольшой прогресс в плане соблюдения прав женщин, о чем даже дочь президента проявила некоторую заботу.

5. Наконец, ситуацию в плане обеспечения экономической свободы и соблюдения прав собственности я бы оценил в 5 баллов. Опять таки, с одной стороны, видно, что правительство старается поддержать частное предпринимательство, снять лишние барьеры для бизнеса. С другой, фермерство в хлопковом секторе все еще лишено на практике прав распоряжения своей землей и своей продукцией, страдая от диктата местных хокимиятов и монопольного положения в каждом районе так называемых хлопково-текстильных кластеров. Кроме того, участвовавшие за последние несколько лет незаконные сносы личного жилья все еще являются серьезной проблемой, подрывающей институт частной собственности.

Все эти предоставленные количественные оценки, конечно, являются результатом личного мнения автора и могут стать предметом дискуссии и соответствующей корректировки. Но одно ясно: ни по одному из пяти условий предлагаемый компромисс пока еще далеко не достигнут.

Вопросом, конечно, является, а возможен ли вообще этот исторический компромисс. У меня самого остаются сомнения на этот счет, учитывая то, учеником какого диктатора был нынешний президент и какое наследство получил от того. Но все-таки нельзя полностью исключить шанс достижения компромисса. Если этот шанс не будет реализован в обозримой перспективе, скажем в течение ближайших десяти лет, то перспективы поступательного развития у Узбекистана окажутся близкими к нулю. Тогда ему на долгий исторический срок будет суждено оставаться в категории стран «третьего» мира, без серьезных шансов выбраться из состояния социально-экономической отсталости. Так что страна и ее руководство стоят перед

выбором, какой путь выбирать – топтаться на месте или все-таки попытаться догнать в своем развитии хотя бы наименее развитые из средне-развитых стран.